

Литературный транскультурализм: выбор чешского писателя

Литература XX века богата явлениями билингвизма, явления транслингвизма встречаются реже. Речь идет о писателях, покинувших родину, оказавшихся в иной языковой среде, постепенно перестающих писать на родном языке, переходящих на иностранный и больше к родному не возвращающихся. Подобным явлениям лингвисты дают психолингвистическое объяснение, сопоставляя глубинное чувство вины перед родным языком с чувством вины перед оставленной женой. Объяснение остроумное, но едва ли подходящее для раскрытия причин выбора, который делает тот или иной писатель. Судьба Милана Кундеры в этом плане дает богатую пищу для размышлений. Чешский поэт и прозаик, с непростой биографией, он с 1975 г. живет во Франции. Семь романов он написал на чешском языке (последний – «Бессмертие», 1983), шесть – на французском. И те, что написаны на французском, чешской версии не имеют.

Скупой на интервью, принципиально скрывающий личную жизнь, Кундера бывал откровенен в своих публикациях, и они позволяют понять причины не только его транслингвизма, но и транскультурализма. Одна из них «Предисловие к вариации» (1975), где извечно «срединное» положение чеха поставлено в силовое поле, созданное полюсами «восточного эмоционального радикализма» и западного рационализма. Персонифицированы эти полюса Достоевским и Дидро. Неприязнь к российско-восточному менталитету (усугубленная вводом советских войск в Чехословакию), этот, по признанию Кундеры, «антирусский рефлекс чеха» спровоцировали неприязнь к миру Достоевского, где «чувства возводятся в ранг ценностей и истин».

Эта статья вызвала негодование у И. Бродского. Спустя несколько недель в той же газете (*New York Times*) была опубликована отповедь поэта (ее русская версия появилась в журнале «Континент») – «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому». Парируя все обвинения чешского писателя, Бродский ответил по существу. Во-первых, коммунистическая система является продуктом не только «восточного эмоционального реализма», но и западного рационализма. Во-вторых, литература показывает человеку его духовный максимум, и «по этой шкале метафизический человек романов Достоевского представляет собой большую ценность, чем кундеровский уязвленный рационалист». И, в-третьих, европеец из Восточной Европы «стремится быть европейцем более, чем сами

европейцы». Последнее объясняет причину транскюльчурализма не только Кундеры, но и многих выходцев из Восточной Европы, дистанцирующихся от России.